

— Я люблю тебя.

Шэнь Цзя замер, и в то же мгновение в глазах у него запекло от подступивших слёз.

Чжоу Цзыфэй произнёс это до того просто и буднично, будто констатировал очевидный факт.

На секунду Шэнь Цзя заколебался.

Но почти сразу же эту хрупкую надежду поглотил привычный, удушающий страх.

Он перестал понимать. Зачем Чжоу Цзыфэй так упорно любит его?

Ведь он никуда не годится, сломан и ничего не стоит. Почему же Чжоу Цзыфэй всё ещё не хочет от него отказаться?

Чжоу Цзыфэй продолжал крепко сжимать его в объятиях, но каждое мгновение этого тепла оборачивалось для Шэнь Цзя лишь ещё большим отторжением и болью.

«Что же мне сделать, как доказать, чтобы ты наконец ушёл?»

Помолчав несколько мгновений, Шэнь Цзя вскинул голову. Уголки его губ тронула едва заметная, ледяная, полная ядовитой насмешки улыбка.

— Чжоу Цзыфэй, — тихо, почти шёпотом произнёс он. — Чем твоя липкая назойливость отличается от того, как вёл себя мой бывший муж?

При этих словах в глазах Чжоу Цзыфэя, только что искрившихся безграничной нежностью, словно что-то безвозвратно раскололось.

— Это... твои настоящие слова? — глухо и дрожащим голосом спросил он.

— Да, — Шэнь Цзя без колебаний швырнул его в пропасть. — Каждое твоё «люблю» вызывает у меня только жалость и отвращение.

Чжоу Цзыфэй медленно разжал пальцы. Не обронив ни слова, он поднялся на ноги — казалось, на этот раз навсегда.

Глядя на его мертвенно-бледное лицо и искажённые болью черты, Шэнь Цзя без конца повторял про себя:

«Уходи... уходи же скорее, не трать слёзы на такое ничтожество».

Но в следующее мгновение...

— Тогда что ты собрался делать минуту назад?! — рявкнул Чжоу Цзыфэй, окончательно потеряв самообладание. Он резко указал на пузырёк с таблетками, стоявший на столе. — Разве расставание — не то, чего ты так жаждал?! Зачем тогда ты пытался свести счёты с жизнью?!

Пока он ломился в запертую дверь, его колотило от дикого страха — страха войти и снова увидеть хладное, бездыханное тело.

Если разорвать отношения действительно так замечательно, если он и впрямь всем сердцем мечтает избавиться от него, зачем доводить себя до такого состояния?!

Глаза Чжоу Цзыфэя налились кровью. Он не мог оторвать взгляда от тёмных кругов под глазами Шэнь Цзя и его мертвенно-бескровных губ.

Глядя на него, Чжоу Цзыфэй вдруг ощутил, как внутри закипает жгучая, отчаянная ненависть.

Ненависть к собственному бессилию — и к самому Шэнь Цзя.

К этому человеку, который вечно лжёт самому себе и другим. Который швыряет в него жестокие слова, пытается оттолкнуть, а сам тайком ищет смертельного избавления.

Вся та трепетная нежность, которую Чжоу Цзыфэй хранил к Шэнь Цзя, сейчас преобразилась в раскалённую лаву. Она сжигла остатки рассудка, заставляя бешено стучать пульс в висках. Закипающая в жилах ярость грозила снести любые границы.

А Шэнь Цзя просто отвёл взгляд и с ледяным равнодушием бросил:

— Тебя это не касается.

«Не касается?!»

Из груди Чжоу Цзыфэя вырвался ядовитый смешок.

— Ах, не касается? Я изласкал каждый сантиметр твоего тела, а теперь тебя это не касается?!

Он в два шага преодолел расстояние до дивана, грубо опрокинул Шэнь Цзя навзничь и навис над ним тяжёлой тенью.

— Стоит мне до тебя тронуться, как тебя колотит! Какое, к чёрту, «не касается»?! Ты у своего собственного тела спроси, согласно ли оно с этим!

Они провели вместе полторы недели безумной, изнуряющей страсти. За этот короткий срок Шэнь Цзя успел с потрохами привыкнуть к Чжоу Цзыфэю — в нём проросла болезненная, непреодолимая зависимость.

После расставания мысли постоянно возвращались к тем дням и ночам, когда они не размыкали объятий.

Каждый раз Шэнь Цзя чувствовал себя бившимся о стекло мучимым жаждой насекомым, которое бессильно сбежать или утолить эту тягу, и ему оставалось лишь глушить в себе мучительную тоску.

И теперь, едва Чжоу Цзыфэй оказался непозволительно близко, Шэнь Цзя задрожал мелкой дрожью.

Он уже сам не понимал, что это — пытка или извращённое блаженство.

— Больно... мне больно... — выдохнул он.

— Терпи! — рявкнул Чжоу Цзыфэй.

Резким рывком притянув его за воротник, он впился в его губы жестоким, выпивающим соки поцелуем.

За окном с оглушительным стуком забарабанил дождь. Шэнь Цзя снова провалился в свой давний кошмар: он блуждает по душным, пропитанным влагой джунглям.

Во тьме ночи он с отчаянием озирается по сторонам, пытаясь найти хоть какое-то убежище, свой собственный угол, но остаётся брошенным.

Каждый шаг в поисках спасения лишь приближает его к краю бездны, пока он не ухает вниз.

Шэнь Цзя безвольно запрокидывает голову, провожая взглядом стремительно уплывающее небо.

Он падает.

Падает всё глубже.

Пока взору не предстаёт гигантская тень: из тьмы выхватывается лютый зверь и мёртвой хваткой впивается зубами в его загривок.

Вскинув его на спину, хищник уносит его прочь, в беспросветную ночь.

Среди дикой скачки Шэнь Цзя слышит свист ветра, рёв бешеных речных потоков, пока окончательно не теряет чувство реальности.

Под потоками душного ливня тело вдруг пронзает глухая, разрывающая боль, заставляя его распахнуть глаза.

Оказывается, его швырнули посреди бескрайней равнины, где по нему немилосердно топчется разъярённое стадо зверей.

Тяжесть наваливается с такой силой, что перехватывает дыхание.

Журнальный столик со скрежетом переворачивается, белые таблетки раскатываются по полу. Шэнь Цзя в муке цепляется пальцами за ковёр и сжимает в мокрой от пота ладони несколько спасённых крупниц.

Он чувствует себя пригвождённым к кресту грешником, искупающим вину через нечеловеческие пытки.

Почему же так больно... На теле не осталось ни единого живого места.

Его снова и снова втаптывают в грязь, дробя в пыль, разрушая до основания, пока само его существование не рассыпается на тысячи осколков.

С трудом подняв руку, Шэнь Цзя пытается поднести таблетки к губам.

— Заглушить всё вздумал?!

Чжоу Цзыфэй с яростным треском выбивает лекарство у него из рук.

— Шэнь Цзя, если ты ещё хоть раз выкинешь подобное... я тебя убью. Затрахую до смерти.

Он вжимается всё глубже.

Шэнь Цзя кажется, будто он — промокшая ветошь в руках Чжоу Цзыфэя: тот до капли пропитывает её влагой, а потом со всей силы выжимает досуха.

Пусть он давно уже превратился в ветошь — никчёмную, драную, — Чжоу Цзыфэй с каким-то ослеплённым упрямством продолжает им пользоваться.

Пользоваться.

Может, и впрямь лучше стать бессловесной вещью? Сделаться инструментом, который нужен кому-то, отдавать себя сполна, пока не исчерпается всякая польза. Тогда больше не придётся изводить себя вопросом, почему никто в целом мире не способен его полюбить.

Ведь вещи не ищут любви. Покуда она сохраняет свою функцию, найдётся тот, кто возьмёт её и останется рядом.

А когда ресурс иссякнет — её просто выбросят. И она будет смиренно лежать на свалке в ожидании полного уничтожения.

Как же это прекрасно. По крайней мере, не нужно питать иллюзий о спасении. По крайней мере, все его муки пресекутся в ту самую секунду, когда его окончательно выбросят.

— Истрать меня... сгуби...

Светильник на потолке расплывается перед глазами Шэнь Цзя невнятным пятном. Он крепче обвивает руками взмокшую шею Чжоу Цзыфэя, шепча эти слова словно в бреду.

Чжоу Цзыфэй молчит — то ли не расслышав за шумом крови, то ли просто не найдя ответа, — но его пальцы, сжимающие талию Шэнь Цзя, судорожно въедаются в кожу.

Чем сильнее боль, тем отчётливее ощущение, что в нём нуждаются.

Шэнь Цзя начинает смеяться — прерывисто, сбивчиво, пока на изнеможённом лихорадкой лице разгорается болезненный румянец.

Приподнявшись на дрожащих руках, он собирает свои длинные, рассыпавшиеся по груди волосы и вкладывает их в ладонь Чжоу Цзыфэя, а затем прижимает его голову к своей груди. В этом неуклюжем движении проскальзывает слепая, граничащая с самоотречением безотказность.

Он не имел права разрушать чистую, светлую любовь Чжоу Цзыфэя. Так пусть же он сам станет искупительной жертвой, пусть отдаёт всё до последней капли, чтобы искупить свою вину.

Он начинает стонать, выкрикивая его имя.

— Цзыфэй...

— Гэгэ...

«Возьми меня. Пользуйся мной. Терзай меня. Сорви на мне всю свою ярость».

Корни волос ожгло лёгкой болью, а воображаемые клыки сжались на самом сердце, но Шэнь Цзя лишь покорно раскрывается навстречу.

Однако это безумие длится ненадолго: Чжоу Цзыфэй вдруг ослабляет напор.

Он смотрит вниз. На белоснежной коже Шэнь Цзя наливаются багровые синяки и ссадины, перемежающиеся со старыми, давнишними шрамами. От этого зрелища Чжоу Цзыфэя словно обухом по голове бьют.

— Это я виноват... Моя вина...

Слёзы Чжоу Цзыфэя каплют на худую грудь Шэнь Цзя. Горячие капли попадают на сбитую кожу, обжигая острой болью. Шэнь Цзя тихо вскрикивает и расправляет веки, встречая взгляд, полный невыразимого отчаяния.

Бровь Шэнь Цзя нервно дёргается, он с трудом подавляет подступивший к горлу ком.

— Извини меня...

Шэнь Цзя тянет руку, пытаясь отереть слёзы с лица Чжоу Цзыфэя, но его дрожащие пальцы натыкаются лишь на горячие, сухие губы.

В тисках безысходности их любовь накаляется добела.

Словно ослеплённые звери, они отдаются во власть первобытного инстинкта, растворяясь в непроглядной тьме.

Будто нет никакого «завтра», нет будущего, а весь мир сузился до этого судорожного единения.

Чьи слёзы горчат на губах?

Откуда этот солоноватый привкус крови — с искусанных губ или из растерзанного, истекающего болью сердца?

Сплетённые пальцы скользят по ледяному кафелю. К взмокшей спине Шэнь Цзя прилипло несколько белых таблеток; Чжоу Цзыфэй с яростной нежностью смахивает их и покрывает оставшиеся следы горячими поцелуями.

В гостиной царит полный разгром: испятнанный ковёр отброшен в сторону, опрокинутый столик так и лежит на боку, даже тяжёлый диван сдвинут с места.

За окном начинается теплый серый рассвет. Чжоу Цзыфэй наконец замедляет движения, лишь изредка делая глубокие толчки.

Только теперь появляется хрупкая возможность перевести дух и заговорить.

— Мы ведь не расстанемся... правда?

Шэнь Цзя молчит. Он лишь прижимается губами к ладони Чжоу Цзыфэя, упёршейся возле его уха.

Чжоу Цзыфэй едва заметно подаётся вперёд, заставляя Шэнь Цзя судорожно выдохнуть.

— Скажи, ведь нет? Если тебе жаль, если ты просишь прощения... не уходи от меня.

Шэнь Цзя снова не отвечает.

Чжоу Цзыфэй тут же делает движение, собираясь отстраниться, лишая его своего тепла.

— Нет! — вырывается у Шэнь Цзя.

Он вцепляется пальцами в волосы Чжоу Цзыфэя, не давая ему уйти. словно не чувствуя боли, тот подхватывает его ослабевшее тело и с сокрушительной яростью сипит прямо в ухо:

— Я сплю только со своей женой! Ты моя жена?!

— Я... я... нет...

Шэнь Цзя отчаянно сжимает его запястья, его губы дрожат, но он никак не может заставить себя выговорить это слово.

В Чжоу Цзыфэе снова закипает ярость. Он подхватывает Шэнь Цзя на руки, настезь распахивает дверь спальни и вжимает его спиной к ростовому зеркалу.

— Нет?! Выходит, ты трахаешься с первым встречным?! Совершенно чужому человеку отдаёшься с таким диким восторгом?! Малыш, а ну смотри!

Он насильно поворачивает голову Шэнь Цзя, заставляя его взглянуть в зеркальное отражение.

— Ты ведь сохнешь по мне, жить без меня не можешь! И после этого смеешь утверждать о расставании?!

Едва бросив взгляд на зеркало, Шэнь Цзя замуривается и мгновенно начинает оседать вниз.

Неужели это он? Как эта сломанная, бесстыдная тень в зеркале может быть им?

Стыд и сладкое, порочное возбуждение одновременно захлёстывают его. Подобно мартовскому коту, Шэнь Цзя издаёт протяжный, истомлённый стон, пальцы на ногах судорожно сжимаются, а бледная кожа наливается нежным, спелым румянцем.

Теперь он действительно превратился в инструмент. Или, скорее, в игрушку.

В любимую игрушку Чжоу Цзыфэя.

Которую выгибают, крутят и терзают, срывая на ней всю свою обиду.

— Учитель Шэнь... ты всё ещё не веришь, что я люблю тебя? — задыхаясь, шепчет Чжоу Цзыфэй.

Шэнь Цзя вытягивается в струну, его сотрясает крупная дрожь.

— Почему не веришь... Я ведь так... хм-м... так сильно тебя люблю... Я отдал тебе всего себя... Почему ты всё ещё не веришь?

Шэнь Цзя дёргается, пытаясь вырваться.

— Отвечай! — Чжоу Цзыфэй смыкает пальцы на его шее, заставляя закинуть голову и встретиться взглядами.

Он усиливает нажим.

— Даже... даже если ты любишь меня сейчас... рано или поздно ты всё равно уйдёшь... А-а-а!..

От резкого, глубокого движения Шэнь Цзя прошибает током от макушки до пят.

— Уйду? Да кто тебя, кроме меня, удовлетворит?!

Чжоу Цзыфэй крепче сжимает объятия, намертво запечатывая податливое тело.

— Ты же насквозь пропитался этой похотью! Стоило мне раз тебя поцеловать, как ты сам каждый день просишь ещё! Если я уйду, неужели ты сдержишься?!

Эти обидные, почти унижительные слова зажигают Шэнь Цзя изнутри. Ослеплённый лихорадочным бредом, он выкрикивает, что найдёт себе кого-то другого.

Всё мгновенно затихает. А секунду спустя...

Грянул гневный гром, обрушился шквал.

— Найдёшь кого-то другого?! Шэнь Цзя, ты смеешь заикаться про других?!

— Ляг! И не смей дёргаться!

Капли пота Чжоу Цзыфэя стекают вниз; в ямочках на пояснице Шэнь Цзя скапливается влага, готовая вот-вот перелиться через край.

— Умереть вздумал?! Другого захотел?! Шэнь Цзя, выбирай здесь и сейчас: смерть — или я?!

Чжоу Цзыфэй сжимает его изо всех сил, Шэнь Цзя заливается слезами, моля о пощаде:

— Не надо... не надо... отпусти меня!

— Ни за что! — отрезает Чжоу Цзыфэй. Его глаза налиты кровью, но в них нет ни слезинки: он прекрасно знает, что слёзы и мольбы на Шэнь Цзя не действуют.

И тогда он превращается в жестокого палача, требуя от Шэнь Цзя сделать единственный выбор между любовью и смертью — выбрав его.

Почему даже эта близость похожа на казнь?

Чжоу Цзыфэй в мучительной тоске раз за разом выпытывает ответ, а на исступлённые попытки Шэнь Цзя дотянуться до его губ за поцелуем лишь жестоко отворачивается.

— Тебя! Я хочу тебя!

Тонкая шея под его ладонью натягивается, вздымаясь вверх, на ней отчётливо проступают налитые пульсом венки.

— Я не хочу умирать! Я хочу, чтобы ты меня любил! — кричит Шэнь Цзя, и его обычно мягкий голос срывается в хриплый вопль израненной птицы.

Стоило ему признаться, насколько безумно он нуждается в Чжоу Цзыфэе, как последние укрепления его разума мгновенно рухнули.

Он мог сколь угодно лгать на словах, мог снова и снова отталкивать его, но каждую ночь воспоминания о Чжоу Цзыфэе возвращались, пытая, наслаиваясь друг на друга и напоминая о главном: он не вынесет жизни без него.

Во всём виноват Чжоу Цзыфэй.

Зачем он был так добр к нему? Зачем подарил столько тепла?

Теперь Шэнь Цзя больше не в силах заставить себя покорно вернуться в свой прежний, беспросветно одинокий мир.

— Малыш... — сдавленно вздыхает Чжоу Цзыфэй. Напор утихает, жестокость наконец уступает место трепету.

Он бережно берёт лицо Шэнь Цзя в ладони и прижимает к его искусанным, опухшим губам. Слёзы вновь застилают ему глаза.

— Вытянуть из тебя хотя бы слово правды... до чего же это трудно.

Шэнь Цзя отрешённо смотрит в потолок. Его пальцы скользят по мокрой от пота спине Чжоу Цзыфэя, не в силах удержаться.

Тогда Чжоу Цзыфэй сам берёт его за руку, переплетая их пальцы.

Ощущение этой ладони, этот крепкий, защищающий хват ломают Шэнь Цзя окончательно.

— Извини... я такой ужасный... — всхлипывает он, уткнувшись носом в плечо Чжоу Цзыфэя и

жадно впитывая родной запах. — Прости меня...

— Ты не ужасный. Ты самый лучший малыш у своего мужа.

Чжоу Цзыфэй крепче прижимает его к себе, ласково гладя по влажным волосам.

Шэнь Цзя ёжится и сжимает объятия; их прижатые друг к другу грудные клетки бьются в одном бешеном, едином ритме.

Спустя мгновение Шэнь Цзя медленно поднимает голову, словно собравшись с духом.

— Я...

Его глаза покраснели, как у кролика, на лице всё ещё написано сомнение.

— Говори, — Чжоу Цзыфэй аккуратно стирает слезинки с его щёк, терпеливо ожидая.

Шэнь Цзя крепко зажмуривается и, повинаясь отчаянному порыву, подаётся вперёд, прижимаясь губами к его межбровью.

А затем, не отнимая губ от его кожи, с дрожью выдыхает слова, от которых сердце Чжоу Цзыфэя пропускает удар:

— Муж... ты мне так сильно нравишься...

«Ты мне нравишься.

Нравится, когда ты ласкаешь меня, когда зовёшь сокровищем и малышом, нравится целоваться с тобой, нравится эта интимная близость.

Я не хочу расставаться. Ни на секунду, ни на миг не хочу отпускать тебя».

Все эти слова бушуют в его груди, но перехватывают дыхание и застревают в коме слёз.

Однако горячие губы и дрожащий голос выдают всю глубину этой отчаянной любви.

Чжоу Цзыфэй некоторое время не может вымолвить ни слова — голова идёт кругом. Он судорожно сжимает тонкую талию Шэнь Цзя и прерывающимся голосом переспрашивает:

— Что... что ты сказал?

Шэнь Цзя поджимает губы и больше не произносит ни звука, лишь пальцы сильнее въедаются в рельефную спину Чжоу Цзыфэя.

— Малыш... ты... ты только что... Что ты сейчас сказал? — Чжоу Цзыфэй перехватывает его запястья, не давая гладить себя, и прижимает его руки к своей груди. — Повтори. Пожалуйста, повтори ещё раз...

Поцелуи сыплются на щёки Шэнь Цзя, обжигая его горячим дыханием.

— Ты мне нравишься... — заливаясь краской, шепчет Шэнь Цзя.

— Нет, не так. Скажи полностью! — требовательно просит Чжоу Цзыфэй.

Откуда только силы берутся: он подхватывает Шэнь Цзя и переносит с пола на кровать.

— Скажи ещё раз... Заверши фразу...

Голос Чжоу Цзыфэя срывается. Шэнь Цзя тихо всхлипывает, дрыгает ногой и снова вцепляется в его волосы.

— Да... да отпусти сначала... Как я тебе скажу, когда ты так... — прерывающимся голосом отвечает он и, потянув с края кровати одеяло, накрывает их обоих с головой.

Чжоу Цзыфэй поднимает голову. Кончик носа и глаза у него покраснели — сейчас он удивительно похож на юного, горячего парня, в котором проглядывает мальчишеская пылкость, и смотрит с такой мольбой и нетерпением, что у Шэнь Цзя сжимается сердце.

На лице Шэнь Цзя расцветает первая за долгое время настоящая, светлая улыбка.

Он щурит глаза, прикусывает губу, пряча смущение, и манит Чжоу Цзыфэя пальцем, показывая, чтобы тот наклонился ниже.

Чжоу Цзыфэй прижимается ухом к его губам.

Сладкое, влажное дыхание касается кожи, когда Шэнь Цзя тихо и нежно шепчет:

— Я правда очень, очень тебя люблю.

Он делает маленькую паузу и ещё тише, с непередаваемой сладостью добавляет последние слова:

— Муж мой.

<http://bllate.org/book/19971/1986016>